

Вениамин ЗИКУОВ

1937—2008

Вениамин Карпович Зикунов родился в 1937 году на Алтае. Работать пошёл с 14 лет. Был токарем, мастером в ПТУ, экскурсоводом. Служил на Тихом океане, в морской авиации. Писать начал в армии. Стихи и проза печатались в газетах «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Красноярский рабочий», в альманахе «Новый Енисейский литератор», в журналах «Енисей», «Юность», «Смена», «Урал», «Уральский следопыт», «День и ночь», «День поэзии», в коллективных сборниках.

В начале 90-х годов XX века был принят в Союз писателей России. Автор книг «Шелест травы» (1982), «Родинские колодцы» (1991), «Серёжка на верёвочке» (1992), «Взгляд избы» (1993), «Дни сентября» (1997), «Подсолнечные кони» (1998), «Огород за околицей» (2003), «Грибное лукошко» (2003), «Нишкины крылья» (2007), книги стихов для детей «Цвети, фиалка».

УЛИЦА ДОБРАЯ

Вся в золоте листья дивногорская улица Добрая. Звонит листва под ногами. Иду не спеша по улице, и настроение у меня доброе, и умная добрая бабушка сидит на лавочке у дома. Она смотрит на меня добрыми глазами и улыбается.

— Ты чей будешь, сынок, и кого ищешь? — спросила она.

— Дивногорский я и никого не ищу, а просто брожу по городу. Да вот встретил на пути вашу улицу Добрую.

— У нас не только улица Добрая, но и люди добрые, — сказала бабушка. — Вот я одна живу, старик помер, сыновья на войне погибли, но добрые люди с нашей улицы каждый день приходят ко мне, помогают по хозяйству, и я не чувствую одиночества...

Иду дальше...

Навстречу девчужка с охапкой осенних цветных листьев.

— Возьми, дяденька, это не листья, это пряники. Я их сегодня напекла в печке и сейчас раздаю прохожим.

Я взял горсть листьев и поблагодарил девочку...

На воротах дома красная звёздочка. Пожилой хозяин в ограде прорубает малину. Увидев меня, он бросил работу, подошёл к плетню.

— Давай покурим, — обратился он ко мне, как будто мы с ним знакомы много лет.

Я полез в карман за сигаретами.

— Не надо, у меня слаще, — сказал он с улыбкой.

Стоим, курим, говорим о погоде, об осени...

— Воевали? — спрашиваю я.

— Пол-Европы прошёл...

— Расскажите что-нибудь о войне.

— Не надо, брат... Зачем? Будь она проклята... Лучше я тебе дам яблок.

Хозяин пошёл к дому и скрылся в сенцах. Когда он поднимался на крылечко, нога у него не гнулась и скрипела. На протезе...

Он принёс чашку некрупных жёлтых яблок и высыпал мне в кепку.

— Угости домашних...

— Спасибо!..

— Не за что...

Мы расстались с ним добрыми друзьями.

Я шёл по улице Добрай, небольшой дивногорской улице, и мне очень хотелось, чтобы она никогда не кончалась, чтобы она шла через всю Россию, все материки и страны и чтобы жили на бесконечной улице Добрай красивые и добрые люди, как бабушка на лавочке, как девочка с листьями-пряниками, как старый солдат, который одарил меня жёлтыми спелыми яблоками...

ДНИ ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ

Нет, не в лесу я, а на дне морском. Не иду, а плыву, легко отталкиваясь от синего мха, и похрустывает он, как лёгкие ракушки...

А вот и ветер — царь морской: пошумел где-то там, наверху, и сел на берёзу, развесив на сучья свою седую и холодную бороду.

Он хочет спросить, кто я и зачем пришёл сюда, в это царство зелёных сосновых водорослей.

Но, видно, забыл слова ветер и, посмотрев на меня с любопытством, вновь взмыл вверх, обдав моё лицо морозным дыханием.

Между сосен дятел — красная рыбка — летает от одного ствола к другому, и звенят его крылья-плавники в густом и певучем воздухе.

Хочу поймать дятла, отталкиваюсь и плавно взлетаю над соснами, где в синей заводи кружится солнце, как тонкая прозрачная льдинка.

Нет, не в лесу я, а на дне морском, не иду, а плыву среди разноцветных кораллов, плыву и повторяю: «Дни поздней осени бранят обыкновенно».

ЧТОБЫ ОГОНЬ ЛЕТЕЛ ИЗ-ПОД КОПЫТ

Ночи сейчас холодны и туманны, и лёгкой изморозью покрываются к утру зрелые травы, а на листьях берёз твердеют мелкие капельки влаги. Но к полудню день «добрееет», и паутинки бабьего лета летят над землёй и поют прощальную песню уходящему лету.

В лесу светло и просторно, и дышат прохладой и прелью лесные низины. Грибов ещё много, особенно на солнечных откосах лесных пригорков, где стоят молодые сосняки, и грибы эти свежие, ладные, без червоточки. Берёшь в руки крепкие маслята, а они тверды и холодны, как ледяные: вобрали в себя грибы холод ночи, не успевают отогреться под короткими лучами осеннего солнца...

Из березняка выскочил заяц, посмотрел на меня и лениво, сыто затрусил по лесной поляне.

Рядом, на солнцепёке, попробовал настроить смычок кузнечик, но мелодия у него не получилась, и, сконфузившись, кузнечик замолчал, по-видимому, навсегда.

Ветра нет, но осина на уторе неожиданно вздрогнула, и посыпались с её веток с сухим шумом листья, как будто кто-то бросил вниз горсть красных камешков.

Два осиновых листа застряли в паутине и заморгали от дыхания земли, как крылья осенней бабочки. Паук изумлённо смотрел на листья, не решаясь тронуть добычу...

Бабье лето... Время светлой и хорошей грусти, до того светлой, что кажется — вернулся в детство. И наплывают минуты бесшабашности: так и хочется сесть верхом на хвостинку и проскакать на красном «коне» по улицам посёлка, да так, чтобы огонь летел из-под копыт и испуганно шарахались по сторонам и годы, и невзгоды...

ЗАКАТ В ТОПОЛИНОЙ РОЩЕ

Уснули тополя, и снятся им тёплые майские ливни и весёлое время зрелости и листопада, а ещё им снятся журавлиные клики в голубом небе и торопливое журчанье воды на речных излучинах Шуши.

И только во время заката, когда лучи слабого зимнего солнца подогревают шершавые стволы, просыпаются на миг тополя и, с прищуром посмотрев на заснеженную розовую даль, вздрагивают спросонья — и опять уходят в хорошие сны о тепле и лете...

Я люблю тополя на закате и часто хожу в тополиную рощу, чтобы послушать сонный бред старых деревьев.

А ещё я прихожу в рощу с надеждой: найти дупло, где зимует леший. Я видел его перед первым снегом в тополиной роще: он бродил, маленький и рыжий, от дерева к дереву по рыжей звонкой листве, но я не заметил, какое дупло он выбрал для зимней спячки.

Я обязательно найду лешего, но не буду его тревожить. Я приведу в рощу сына и покажу ему хозяина леса. Не верит мой сын, что есть чудеса на свете, потому что в учебнике по зоологии ничего не сказано о домовых, русалках и леших. И нельзя в этом винить учёных: в наше время эти загадочные существа встречаются слишком редко и давно внесены в «Красную книгу» людской памяти...

СТАРИЧОК-ЛЕСОВИЧОК

Не пойму, кто это пробегает от сосны к сосне, шуршит промёрзшим мхом. Притаился я за шершавым стволом сосны и думаю: «Неправда, выйдешь». Стою минуту, другую... Тихо в лесу, только где-то вверху шумит ветер. Вот из кустов показалось лицо с зелёной бородой — хитрое лицо, лукавое... «Ах, это старичок-лесовичок», — догадался я.

Иду дальше и не обращаю на него внимания, а старичок-лесовичок то слева забежит, то справа. Потом кашлянул в кулачок и говорит:

— Возьми меня с собой, добрый человек, холодно мне...

Положил я лесовичка за пазуху и принёс домой. Подбежал он к батарее, погрел руки и улыбнулся:

— Доживём до лета — отблагодарю я тебя... покажу, где видимо-невидимо растёт грибов и ягод. А когда у тебя будет время, буду рассказывать тебе лесные сказки...

Вот так и живёт у меня старичок-лесовичок, зелёная борода. Ночью он спит на батарее, вечером сказки рассказывает, а днём на окне стоит и в лес смотрит.

БОЯРЫНЯ

У нас в селе боярку называют «боярыней». За неброскую красоту, за то, что нелегко к ней подступиться, дали такое имя кустарнику. Совсем недавно решил я полакомиться янтарной от мороза ягодой. Потянулся за жёлтой гроздьёй и вскрикнул от боли. Сквозь вязанные рукавицы обожгли руку острые иголки.

И вспомнилась мне Нюра Нечаева, что живёт в нашем посёлке. В 1943 году получила она печальное известие: «Ваш муж пропал без вести». Не вернулся он в сорок четвёртом, не вернулся в сорок пятом. К ладной миловидной женщине десятки раз сватались поселковые женихи. Были среди них люди при должности, непьющие. Обжигала их Нюра, как иголками, холодным взглядом и говорила:

— А как же Фёдор? Он должен вернуться — чувствует сердце.

Но Фёдор так и не вернулся с войны. А однажды к Нюре посватался вдовый кузнец Гнат. Человек уважаемый, трезвый.

— Не надо, Гнат, — вздохнула она. — Более тридцати лет ждала. Подожду ещё...

Так и не вышла замуж гордая Нюра Нечаева. И зовут её у нас любовно и ласково — Боярыня.

ДВОРИКИ ДЕТСТВА

После долгой зимы и глубокого снега ожили дворики старых домов Енисейска. Ещё по углам их за поленницами дров в затемнении сохранился снег, но он почернел, осел, и идёт от него прохладный запах, как от первых грибов после утреннего дождя...

Я заглянул в такой дворик на улице Петровского. Сколько дому лет — трудно сказать. Венцы из лиственницы потрескались, сморщились, и отливает дерево янтарным блеском, как окаменевшие и отполированные веками кости мамонта. На северном скате крыши сверкают сосульки. Вот одна упала и со звоном разбилась. По приметам — на счастье...

Старушки в тёплых шالях — чтобы не застудиться от сырости — сидят на скамейках у крыльца. Они отогревают свои кости весенним солнцем и о чём-то говорят между собой.

Молодой рыжий кот ошалело носится по дворику: он пытается поймать солнечный зайчик, что отражается от стекла чуть приоткрытой форточки.

Глаза у кота горят, как угли. Створка форточки дрожит от ветерка, и «зайчик» свободно бежит по дворику: то появится на поленнице, то промчится по чёрной от времени стене сарая. Вот «зайчик» замешкался на деревянном тротуаре, и кот прямо с крыльца прыгнул на него, прижал

лапами к плахе, но «зайчик» выскользнул и спрятался в дровяник. Кот сконфузился и ушёл в сенцы.

У крыльца мальчишка в синей куртке возится с велосипедом.

— Ты, Васька, слишком не торопись, — предупредила его одна из старушек. — На улице грязь — куда поедешь?

— А я только попробовать, — отвечает мальчишка и долго-долго смотрит вдаль, за Енисей, за чёрную кромку тайги.

Он о чём-то думает. Я знаю, о чём думает мальчишка в синей куртке. Я ведь тоже был когда-то мальчишкой. Меня тогда по весне до надрыва в сердце тревожила загадка горизонта. Поэтому, наверное, я по сегодняшний день такой непоседа: мельтешу по белу свету, но так и не знаю, что там, за ближним лесом, и есть ли у горизонта край и начало...

У меня тоже был свой дворик — не здесь, в Енисейске, а в степном алтайском селе. В моём дворике у плетня стояли тополя и копна соломы и не было дощатых, дымящихся по весне тротуаров. Дерево у нас берегли и топили кизяками.

Сейчас на месте моего дворика стоит пятиэтажное здание, стандартное, безликое. Я не признаю его. Дом поставили, не спросив у меня разрешения. Я бы не позволил строить бетонную коробку на месте дворика детства. Хотя, впрочем, дворик до могилы будет в моём сердце...

Уверен: мальчишка в синей куртке тоже сохранит в сердце до конца свой дворик с дымящимся тротуаром, с поленицей дров, со звоном капли... Лесорубом он будет, мистром ли — безразлично!

Сохранит...

С этого дворика начинается его бесконечный путь за горизонт.